

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-253-266

П. К. Иванов¹*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина***П. А. Катышев²***Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина*

ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена интерперсональному аспекту концепции метадискурса К. Хайленда в применении к поликодовым текстам современной интернет-среды. Путем анализа структурных особенностей данного типа сообщений выделены специфические для них способы объективации моделей автора и реципиента как участников процесса создания и восприятия высказывания. Установлено, что в рамках формирования интерперсональных характеристик используются такие ресурсы поликодовых текстов, как пространственная организация информации, использование прецедентных феноменов, способ согласования вербального и невербального компонентов.

Ключевые слова: интерперсональность, близость, метадискурс, аффорданс, оперативные единицы, поликодовый текст, интернет-коммуникация, мем, демотиватор.

P. K. Ivanov*Pushkin State Russian Language Institute***P. A. Katyshev***Pushkin State Russian Language Institute*

INTERPERSONAL POTENCIAL OF MULTIMODAL TEXTS IN MODERN INTERNET COMMUNICATION

The article is devoted to the interpersonality as a part of K. Hyland's meta-discourse applied to multimodal texts of the modern Internet-communication. By analyzing the structural features of this type of texts, it highlights specific methods of objectification of the models of an author and a recipient as the participants in the process of creating and perceiving the utterance. The authors in particular consider such interpersonal resources of multimodal texts as the spatial organization of information, the use of precedent phenomena and the type of coordination of verbal and nonverbal components.

Keywords: interpersonality, proximity, metadiscourse, affordance, operational units, multimodal text, Internet communication, meme, demotivator.

¹ Петр Константинович Иванов – студент магистратуры Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, pkivanove@yahoo.com.

² Павел Алексеевич Катышев – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, pakatyshev@pushkin.insitute.

Постановка проблемы

Выявление и анализ особенностей интернет-коммуникации, наблюдение за новыми формами приложения знаковых систем являются актуальными задачами современной семиотики, лингвистики, теории коммуникации и ряда других научных дисциплин, связанных с изучением речевого взаимодействия социальных субъектов. Исследование семиотических и интеракционных новообразований важно не только в контексте поиска оптимальных решений конкретных проблем, связанных с использованием и регулированием интернет-среды, но и с общетеоретических позиций: неисчислимо ускорение, упрощение и демократизация коммуникативных процессов материализовали диалогическую природу символизации, сделали очевидным тот факт, что если не сам взгляд вовне, то, по меньшей мере, кодирование этого взгляда, перевод его в сферу символического неизменно реализуется при учете позиции Другого.

Методологи лингвистического анализа 1980–1990-х гг., стремясь переосмыслить структуральные идеи лингвистики текста, разработали ряд оригинальных моделей, положивших начало фундаментальным исследованиям языка и речи в их взаимодействии с такими экстралингвистическими параметрами, как класс, власть и идеология (ср. труды Т. ван Дейка, Н. Фэрклафа, Р. Водак). Это направление, корнями уходящее в теоретические поиски философов-континенталистов преимущественно неомарксистского толка (А. Грамши, представителей Франкфуртской школы, М. Фуко), предоставило языковедам обширный инструментарий для рассмотрения дискурсивных механизмов социальной категоризации и конверсии, социопсихологических процессов позиционирования и конструирования идентичности, в том числе вопросов дискриминации, деликтогенного взаимодействия, конфликтопорождения, т. е. таких типов интеракционных фреймов, в рамках которых собственно символизация функционально лишь сопровождает или оформляет социальную практику, а ключевую роль очевидным образом играют именно процессы реализации и трансформации общественной стороны человеческого существования.

В противоположность этому в серии более близких нашему времени исследований критического направления, по-прежнему в том или ином виде опирающихся на анализ сугубо текстовых категорий, были заявлены подходы, в рамках которых символическая составляющая речевых событий также стала рассматриваться как самостоятельно ориентированная на некоторую диалогичность, формирующую дискурсивные категории адресанта и адресата вне зависимости от их реального статуса в актуальной коммуникативной среде. Такой взгляд, созвучный идеям М. М. Бахтина, сформулировал в своих трудах, посвященных изучению коммуникации в сфере науки, К. Хайленд, которому принадлежат переосмысленные трактовки таких понятий, как *интерперсональность* (interpersonality) и *близость* (proximity).

К. Хайленд понимает интерперсональность как совокупность характеристик текста, отражающих результат выбора тех или иных семиотических средств в зависимости от представлений продуцента о реципиенте, от того, в каких отношениях с адресатом мыслит себя адресант и какую информацию он считает необходимой или достаточной для того, чтобы передать адресату свое видение успешной (т.е. желаемой автором) интерпретации, в том числе путем выражения авторской позиции и обозначения своей роли в данном интеракционном фрейме [Hyland, 2010, p. 116]. Данный аспект в концепции К. Хайленда включен в более широкое понятие близости. Последнее охватывает не только моделирование отношений с реципиентом, но и выражение авторского взгляда на представляемый материал, способы репрезентации в тексте социальной позиции автора и использование маркеров, которые помогают достичь объединения продуцента и реципиента как людей, одинаково воспринимающих передаваемую информацию, и в целом как субъектов с одним миропониманием [Ibid., p. 117].

Таким образом, в интерперсональном аспекте текст может рассматриваться не только как место реализации вполне объективных экстралингвистических параметров, относящихся к конситуации, и как одно из средств осуществления взаимодействия внутри фрейма, но и как семиотическое пространство, само по себе содержащее модели автора и реципиента, без формирования, выражения (со стороны автора) и понимания (со стороны реципиента) которых существенно уменьшаются шансы на успех интерпретации. Иными словами, текст содержит группу *условий*, предопределенных на этапе кодирования и являющихся базовыми для самой возможности интерпретации, а следовательно, в свою очередь, предопределяющих его восприятие. Адресат в таком случае является объектом воздействия автора в том смысле, что, кроме собственно распознавания смысла высказывания, он должен выявить и занять ту позицию, которая предписана ему как актанту, декодирующему конкретный текст.

Изучение данных условий неизбежно ведет к наследию классиков психологии (особенно теории восприятия) и психолингвистики. И действительно, во второй половине прошлого столетия в научный оборот были введены концепции, которые имеют принципиальное значение для нашего исследования. Прежде всего это теория аффордансов Дж. Гибсона, который под *аффордансом*³ понимал в широком смысле любое свойство окружающего мира, указывающее на способ взаимодействия с ним, на «взаимодополнительность» (complementarity) индивида (у Дж. Гибсона – животного) и среды [Gibson, 2015, p. 119]. Рассматривая историю возникновения этой идеи и отвечая ее предшественникам, автор заявил о принципиальном отличии своего

³ В русских переводах встречается также термин *возможность*; представляется, что более оправданно использовать транслитерацию, поскольку сам автор подчеркивал окказиональную природу этого слова.

подхода от взглядов К. Левина, использовавшего этимологически близкий термин *Aufforderungen*, и от позиции своих учителей – гештальттеоретиков. Поддерживая дихотомию «физическое – феноменальное», Дж. Гибсон отмечал, что предмет его исследования выделялся предшественниками только в качестве свойства феноменального бытия объектов, тогда как для него самого было очевидно, что все подобные особенности среды существуют и вне их включения в интенциональную сферу сознания, нисколько не выходя за пределы физического уровня [Ibid., p. 129–131]. В рамках исследования семиотического пространства эта деталь важна в силу того, что речь идет об особенностях текста, заданных автором до всякого реального вступления в контакт с реципиентом, а также потому, что их учет вовсе не является обязательным для последнего (Дж. Гибсон также прямо говорит о том, что аффордансы могут попросту быть не приняты во внимание [Ibid., p. 130]).

Другой вехой в истории науки, способной определить направление современных исследований интерперсональности, следует признать выводы советских и российских психологов и психолингвистов, занимавшихся проблемами восприятия речи. Итоги проводимой на протяжении десятилетий работы подвела А. С. Штерн в своей докторской монографии «Перцептивный аспект речевой деятельности». Развивая и подвергая экспериментальной проверке все ключевые подходы к анализу этой стороны речемыслительных процессов, она сформулировала понятие оперативных единиц восприятия текста, «которыми являются существенные для восприятия лингвистические признаки» и которые отличаются от традиционных психологических единиц – слога, слова, предложения – тем, что их актуализация в сознании реципиента носит симультанный, а не сукцессивный характер [Штерн, 1992, с. 192–193].

Несмотря на то, что обе упомянутые теории давно признаны классическими и изначально не касались вопросов, поставленных в работах К. Хайленда, их объясняющий потенциал может быть применен и в этой области. Текст как один из полноправных интеракционных *акторов* (в понимании Б. Латюра) обладает ресурсами, конструирующими позиции продуцента и реципиента. Объективации этих ресурсов могут быть рассмотрены в отношении субъекта перцептивной деятельности как аффордансы, состоящие из семиотически значимых признаков, регулирующих процесс декодирования содержания в заданном автором направлении.

Ранее в своих работах один из авторов статьи уже отмечал продуктивность такого подхода к анализу речевого взаимодействия, который позволяет исследователю подойти к процессу понимания высказывания либо с точки зрения оперативных, либо с позиции стратегических единиц: если оперативные единицы влияют на успешное восприятие сообщения, то стратегические представляют собой паттерны, посредством которых осуществляется декодирование стимула (в частности, оперативных единиц) в зависимости от установок, компетенции реципиента, привычности для

него исходного сигнала и прочего [Катышев, 2011, с. 98]. Несомненно, два этих типа перцептивно значимых единиц связаны между собой как субстрат и функция надсистемы, а потому их возможное описание предполагает учет их взаимной детерминированности, в соответствии с чем субстрат рассматривается как регулятор деятельности реципиента, а надсистемная функция – как набор стратегий декодирования, соответствующих сущности и свойствам осмысляемого знака и заданных ими при всей их многомерности. В координатах указанной теоретической проблематики находится тема предлагаемой статьи; в ней речь пойдет об оперативно значимых единицах, которые создают предпосылки для понимания стимула, являясь свойствами этого стимула. Следовательно, данные единицы (как и текст в целом) отмечены чертами интерперсональности и отражают характеристики интеракционного фрейма, мыслимого в качестве модели взаимодействия адресанта и адресата, представленной в тексте как коммуникативном феномене.

Основная часть

Поликодовый текст как единство вербального и невербального утвердился на позиции одного из наиболее распространенных способов передачи информации в мультимодальной интернет-среде, что обусловило не только активные искания ученых на пути к (пере)осмыслению этого феномена (в частности, признание мультимодальной сущности любого коммуникативного события [Баранов, 2018, с. 7–8; Загидуллина, 2019, с. 187–188; Кибрик, 2010, с. 135]), но и рост интереса к различным аспектам его реализации, например, таким сравнительно редко специально рассматриваемым сторонам опосредованной коммуникации, как метаграфемика [Баранов, 2018]. Объектом данного исследования были выбраны экземпляры статичных сообщений, использующих визуальный сенсорный канал и задействующих все доступные в его рамках ресурсы (иконические изображения, графику, метаграфемнику и пр.), включая естественно-языковой код.

Как правило, тексты такого типа рассматриваются как классические объекты лингвистического и семиотического анализа, подкрепленного герменевтическими методами. В рамках этого подхода осуществляется последовательное выделение вербального и невербального (визуального) компонентов и определение отношений между ними, которые варьируются в пределах, установленных следующей классификацией:

1) параллельная корреляция, где «семантика, прагматический потенциал вербального и невербального компонента совпадают практически полностью»;

2) перекрестная корреляция, где «семантика, прагматический потенциал вербального и невербального компонента частично перекрывают друг друга»;

3) оппозитивная корреляция, где «содержание, переданное невербальными средствами, вступает в противоречие с вербальной информацией, что часто дает комический эффект»;

4) интерпретативная корреляция, где «между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе»;

5) поддерживающая корреляция, где «один компонент дополняет, как бы поддерживает семантику второго в интересах совместной передачи информации, ставя некий важный акцент», при этом основной структурой может быть как вербальная, так и невербальная часть [Ворошилова, 2013, с. 35–37].

При этом данные, полученные в рамках концептуализации и экспериментального исследования механизмов восприятия поликодовых текстов, интерпретируются по-разному. Часть ученых указывает на значительное повышение прагматического потенциала сообщений, использующих изобразительные средства, и объясняет это тем, что невербальная информация чаще «активизирует подсознательный (эмоциональный) уровень восприятия» и закладывает «уже готовый код для “прочтения” текста» [Там же, с. 26–28], т.е. предстает в более доступной форме, сужающей вариативность интерпретации. Другие исследования, напротив, содержат выводы о том, что основой понимания поликодовых, в том числе дикодовых стимулов является обнаружение смысловых взаимосвязей между вербальным и невербальным компонентами, образованных «при помощи повторения общих сем» и являющихся «реализацией грамматического и/или семантического согласования» [Горбачева, 2020, с. 111] (см. также обзор методов, опирающихся на положение об однородности процессов декодирования изобразительной и вербальной частей, в [Куницына, 2020]).

Вне зависимости от выбора той или иной гипотезы, большинству поликодовых текстов присущи некоторые структурные особенности, выступающие ресурсами для создания аффордансов интерперсональности – комплексов перцептивно значимых единиц, концентрирующих информацию о содержащихся в тексте моделях автора и реципиента как составляющих коммуникативной системности.

Первой из таких особенностей следует признать **ресурс пространственной организации знаков**, который предоставляет автору дополнительные возможности для конструирования содержания высказывания, а адресату – для распознавания смысла. Безусловно, последовательное использование данного ресурса не является обязательным условием поликодовой коммуникации – встречаются экземпляры, расположение информации в которых не подчиняется каким-либо явным закономерностям и поэтому не может рассматриваться как сознательно используемое средство кодирования, – но все же сам выбор в качестве способа выражения поликодового текста с изобразительным компонентом в составе естественным образом ставит перед автором вопрос о том, как именно разместить материал на субстрате.

По-иному организован жанр демотиватора: его образцы представляют собой строгие двухчастные структуры, внешне напоминающие изображения в рамках, на нижней части которых размещен вербальный компонент, что указывает на иерархический принцип взаимодействия гетерогенных кодов, на то, что один из элементов текста находится в метапозиции по отношению к другому. При этом вербальная часть вынесена за пределы изобразительной и при учете общей модели восприятия занимает постпозицию по отношению к невербальной. Такое расположение служит маркером ее интерпретирующей функции: она призвана быть местом выражения точки зрения автора на представленную изображением ситуацию.

Объективация авторского способа категоризации сведений, передаваемых с помощью сообщения, может происходить и внутри одного уровня. В этом отношении интересны оппозиции, особенно распространенные в сообщениях, тематика которых носит политический характер или связана с иными ситуациями противостояния или борьбы двух сторон. Оппозиция в таких текстах, как правило, выражается путем выделения двух симметрично расположенных на носителе областей (обычно в левой и в правой части), каждая из которых наполняется знаками, относящимися к противопоставленным актантам, тогда как остальная площадь субстрата остается незанятой. Такой способ представления информации позволяет указать на наличие конфликтной ситуации без каких-либо иных маркеров и используется как сигнал необходимости сравнения двух заявленных сил, а также необходимости выбора между ними (ср. рис. 2). При этом автор обладает свободой в характеристике каждой из сторон, что приводит к увеличению воздействующего потенциала текста, в случае если автор симпатизирует одной из сторон и выбирает наиболее положительные дифференциальные признаки коннотативного поля для ее описания. Такой же способ дифференциации и представления двух сторон свойствен ряду текстов, манифестирующих социально-психологическое группирование в националистическом дискурсе [Бабикова, 2019, с. 69].

Рис. 2. Оппозиция

Другим неотъемлемым качеством поликодовой коммуникации, предоставляющим возможность специфического конструирования интерперсональных характеристик, является **высокая степень информационной компрессии**. С одной стороны, располагая расширенным знаковым инструментарием в сравнении с монокодовыми сообщениями, а с другой – рассчитывая на быструю, приближенную к симультанной интерпретацию, авторы креолизованных текстов склонны не только использовать устойчивые, лаконичные и легко опознаваемые комплексы семиотических единиц – на уровне плана выражения, но и задействовать знания, которые либо общеизвестны в силу своей актуальности (или «вирусности» – в отношении мемов), либо входят в прецедентную базу культуры, на которую ориентирован текст, – на уровне плана содержания. Отбирая знаки и когнитивные структуры, подходящие для этих целей, продуцент одновременно осуществляет самопрезентацию (представляет себя как субъекта, оперирующего культурно маркированными знаниями), пытается достичь близости с реципиентом, а также вводит и ограничивает пресуппозицию как основу для интерпретации, поскольку неизбежным следствием использования распространенных символов и представлений становится актуализация большого количества фоновой информации и применение к ней того нового, что несет в себе текст.

В подавляющем большинстве случаев прецедентные знания выражаются изобразительной частью, по-видимому, в силу ее большей семантической емкости. В свою очередь, то новое, что несет в себе поликодовое сообщение, его рематический компонент представлен чаще всего при помощи вербальных средств и, как правило, либо маркирует один из существующих вариантов интерпретации введенной прецедентной структуры, либо содержит некоторое новое знание, не входящее в апперцепционную базу реципиента.

Классическим образцом такого типа распределения является демотиватор. Базовая полная структура данного жанра содержит три компонента: изображение и две части вербального комментария, дифференцированные супраграфематическими средствами. Невербальный компонент организуется комплексом содержательно насыщенных иконических элементов, заявляющих тему сообщения. Тем самым, эти элементы объединяются в аффорданс, учет которого выступает предпосылкой понимания всего текста. Две части вербального комментария при этом несут различные функции. Более крупный компонент, традиционно называемый на сайтах – генераторах мемов заголовком, содержит лаконичное словесное описание предложенного изображения. Каким-либо образом интерпретируя последнее, он служит аффордансом, в словесной форме объективирующим авторский способ категоризации актуализованной ситуации, а следовательно, также реализует интерперсональную сторону дистантной коммуникации, обеспечивая доступ к информации о картине мира одного из подразумеваемых коммуникантов. Наконец, вторая часть вербального компонента содержит ремю сообщения и завершает оформление содержания текста путем

выбора относительно законченного способа осмысления заявленного феномена. Она может состоять как из комментария, идентифицируемого как оригинальное высказывание адресанта, так и использовать иные прецедентные знаки. Сужая актуализованную тему до какого-либо способа ее законченного представления, данная часть апеллирует к адресату, сигнализируя о необходимости реакции на точку зрения, представленную в тексте, и определяя реципиента как личность, находящуюся в положении когнитивного и коммуникативного выбора в отношении смысла сообщения.

Пример демотиватора с полной расчлененной структурой представлен на рис. 3. Данный текст может быть рассмотрен именно как попытка постепенного сужения темы, заявленной посредством введения прецедентной информации, до моделируемой ситуации выбора, сближающей подразумеваемых коммуникантов. Изображая существо с телом обезьяны и головой Чарльза Дарвина, автор актуализует широкий круг общеизвестных представлений об эволюционизме и об ученом, чье имя в обыденном сознании прежде всего ассоциируется с данной теорией, а также – в силу нетипичности существа – придает тексту конфликтную направленность. Дополняя визуальную часть заголовочным комментарием, продуцент через аффорданс, обеспечивающий реципиенту доступ к авторской точке зрения, более отчетливо маркирует предмет речи, которым выступает эволюционная теория и связанная с ней концепция антропогенеза. Завершая текст прямой апелляцией к адресату, адресант эксплицитно указывает на интеракциональную сущность данного коммуникативного артефакта, формулирующего в широком смысле идею критического отношения к мысли о близости современного человека и обезьяны (конкретное содержание может значительно варьироваться в зависимости от коммуникативной ситуации). Сходным образом построены и другие текстовые модели, один из элементов которых занимает метапозицию в структуре высказывания – например, мемы (о различиях между демотиватором и мемом см. [Горбачева, 2021]).

При этом очевидно, что участие двух гетерогенных компонентов в процессе формирования смысла одного сообщения возможно только при наличии объективной корреляции между ними. Тогда как в более традиционных сферах

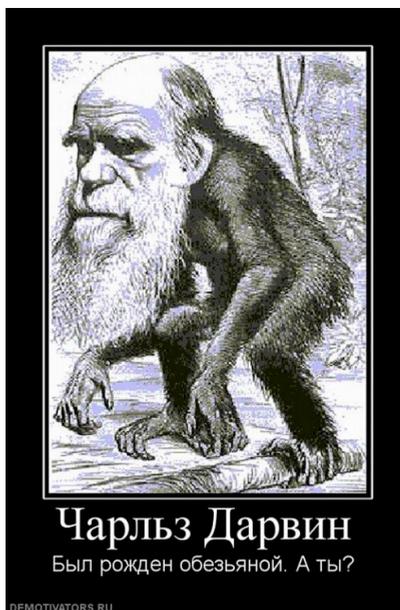

Рис. 3. Демотиватор

визуального функционирования языка (книгопечатании, публицистике, научной коммуникации) роль изобразительной части, как правило, ограничена параллельным либо поддерживающим типом, в Сети безусловно преобладает такая корреляция между вербальным и невербальным компонентами, которая предполагает распределение между ними, а не дублирование ключевого содержания, что обусловлено самостоятельностью и распространенностью поликодовых текстов в интернет-коммуникации.

Разница модусов при этом усиливает требование к **семантической и/или грамматической согласованности компонентов**, которая также отражает интерперсональные свойства текста. Данное требование выполняется при помощи средств, соответствующих разновидности согласования. Например, для семантического согласования характерно использование повторяющихся компонентов значения [Горбачева, 2020, с. 104], лежащее в основе одного из базовых способов связи гетерогенных частей текста – метафоры, которая, «по мнению большинства исследователей, имеет всеобщий и обязательный характер, поэтому... может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого познания» [Ворошилова, 2013, с. 109]. В последнее время метафорический тип переноса становится объектом пристального изучения

в рамках исследования особенностей поликодового медиатекста. В частности, авторы указывают на культурно-специфичную ориентированность метафоры, на ее способность адаптировать «чужие» культурные реалии для незнакомой с ними аудитории [Ленкова, 2018, с. 59]. Похожую функцию может выполнять данная модель и в текстах интернет-коммуникации, где, например, изобразительный компонент репрезентирует некую культурно не маркированную для реципиента ситуацию (часть сферы-источника), а вербальная часть интерпретирует ее исходя из набора дискурсивных практик, характерных для той или иной социальной группы (сферы-мишени); ср. рис. 4, в котором политически нейтральное изображение переносится вербальным компонентом в рамки антисемитского дискурса. Основание переноса и соответствующие модели категоризации, воспроизводимые в социально замкнутых типах дискурса, в данном случае на уровне плана содержания служат аффордансом, стимулирующим сближение моделей продуцента и реципиента и обуславливающим успешную интерпретацию текста.

Рисунок 4. Метафора

Похожим образом организуются и макросы, состоящие из прецедентного изображения, передающего определенное эмоциональное состояние (чаще всего – кадра из фильма, фиксирующего лицо одного из актеров в момент представления им одной из базовых эмоций), и краткого вербального описания какой-либо ситуации. Данный тип корреляции в большей степени основан на метонимической модели переноса, указывающей реципиенту в случае успешного распознавания сигнала на необходимость соотнесения его личного опыта взаимодействия со стимулами, вызывавшими данное состояние, – с новой информацией. Близость между моделями коммуникантов в таком случае достигается за счет апелляции к универсальным психологическим качествам.

Заключение

Интерперсональный потенциал коммуникации, продуктом которой выступают поликодовые тексты, не исчерпывается рассмотренными выше аспектами и требует дальнейшего осмысления, которое помогло бы взглянуть на взаимообратные процессы корреляции лингвистического и экстралингвистического «изнутри», исходя из особенностей самих текстов. В частности, в современной науке не существует сколько-нибудь полного каталога жанров мультимодальных структур, не рассмотрены подробно используемые в них средства метакоммуникации, не разработаны методы анализа различных способов выражения авторской позиции. В связи с этим изучение коммуникативных артефактов на предмет объективации в них текстовых категорий автора, адресата и соотнесение новых форм речевой деятельности с научным знанием о принципах и механизмах порождения и восприятия речи представляется перспективным направлением исследования особенностей опосредованного взаимодействия в условиях цифровой среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабикова, М. Р. Жанровые разновидности интернет-мемов в современном националистическом дискурсе / М. Р. Бабикова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25. – № 2 (186). – С. 67–73.

Баранов, А. Н. О метаязыке описания визуализаций текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 6–15.

Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография / М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2013. – 193 с.

Горбачева, А. В. Об экспертной и неэкспертной интерпретации поликодовых текстов / А. В. Горбачева, Т. В. Нестерова, М. А. Осадчий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 102–114.

Горбачева, А. В. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование / А. В. Горбачева, А. А. Берлин Хенис, А. Н. Пучкова, М. А. Осадчий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 74–86.

Дейк, Т. ван. Макростратегии / Т. ван Дейк, В. Кинч; пер. с англ. С. Н. Сухомлиновой // Дейк, Т. ван. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 41–67.

Загидуллина, М. В. Мульти-modalность: к вопросу о терминологической определенности / М. В. Загидуллина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 1 (31). – С. 181–188.

Катышев, П. А. Риторика: учебное пособие / А. Г. Антипов, Л. А. Араева, Т. В. Артёмова, П. А. Катышев и др.; под ред. П. А. Катышева; Кемеровский государственный университет. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 338 с.

Кибрик, А. А. Мульти-modalная лингвистика / А. А. Кибрик // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / отв. ред. Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев. – Москва: Институт психологии РАН, 2010. – С. 135–152.

Куницына, О. М. Особенности построения и восприятия поликодовых текстов в современной коммуникации / О. М. Куницына // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 9 (838). – С. 69–82.

Ленкова, Т. А. Метафора в поликодовом медиатексте: семиотический аспект / Т. А. Ленкова // Наука сегодня: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции. Вологда: ООО «Маркер», 2018. – С. 57–62.

Ухова, Л. В. Жанровое своеобразие коммуникативного пространства социальных сетей / Л. В. Ухова // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов / под. общ. ред. Н. В. Аниськиной. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 72–80.

Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование): монография / А. С. Штерн. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 1992. – 236 с.

Gibson, J. J. The ecological approach to visual perception: Classic Edition / J. J. Gibson. Psychology Press. 2015. – 346 p.

Hyland K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science / K. Hyland // Journal of English for Academic Purposes. – 2010. – № 9. – P. 116–127.

REFERENCES

Babikova, M. R. Zhanrovye raznovidnosti internet-memov v sovremennom nacionalisticheskom diskurse / M. R. Babikova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. – 2019. – T. 25. – № 2 (186). – S. 67–73.

Baranov, A. N. O metazyazyke opisaniya vizualizacij teksta / A. N. Baranov, P. B. Parshin // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie. – 2018. – T. 17. – № 3. – S. 6–15.

Dejk, T. van. Makrostrategii / T. van Dejk, V. Kinch; per. s angl. S. N. Suhomlinovoj // Dejk, T. van. YAzyk, poznanie, kommunikaciya. – Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. – S. 41–67.

Gorbacheva, A. V. Ob ekspertnoj i neekspertnoj interpretacii polikodovyh tekstov / A. V. Gorbacheva, T. V. Nesterova, M. A. Osadchij // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie. – 2020. – T. 17. – № 1. – S. 102–114.

Gorbacheva, A. V. Slozhnost' vospriyatiya demotivatorov i memov: eksperimental'noe issledovanie / A. V. Gorbacheva, A. A. Berlin Henis, A. N. Puchkova, M. A. Osadchij // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie. – 2021. – T. 20. – № 2. – S. 74–86.

Katyshev, P. A. Ritorika: uchebnoe posobie / A. G. Antipov, L. A. Araeva, T. V. Artyomova, P. A. Katyshev i dr.; pod red. P. A. Katysheva; Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. – Kemerovo: KemGU, 2011. – 338 s.

Kibrik, A. A. Mul'timodal'naya lingvistika / A. A. Kibrik // Kognitivnye issledovaniya: sbornik nauchnyh trudov / otv. red. Yu. I. Aleksandrov, V. D. Solov'ev. – Moskva: Institut psihologii RAN, 2010. – S. 135–152.

Kunicyna, O. M. Osobennosti postroeniya i vospriyatiya polikodovyh tekstov v sovremennoj kommunikacii / O. M. Kunicyna // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2020. – № 9 (838). – S. 69–82.

Lenkov, T. A. Metafora v polikodovom mediatekste: semioticheskij aspekt / T. A. Lenkova // Nauka segodnya: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Vologda: OOO «Marker», 2018. – S. 57–62.

SHtern, A. S. Perceptivnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti (eksperimental'noe issledovanie): monografiya / A. S. SHtern. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1992. – 236 s.

Uhova, L. V. Zhanrovoe svoeobrazie kommunikativnogo prostranstva social'nyh setej / L. V. Uhova // CHelovek v informacionnom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov / pod. obshch. red. N. V. Anis'kinov. – Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2014. – S. 72–80.

Voroshilova, M. B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu: monografiya / M. B. Voroshilova; Ural. gos. ped. un-t. – Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural'skij gos. ped. un-t», 2013. – 193 s.

Zagidullina, M. V. Mul'timodal'nost': k voprosu o terminologicheskoy opredelennosti / M. V. Zagidullina // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. – 2019. – № 1 (31). – S. 181–188.

Gibson, J. J. The ecological approach to visual perception: Classic Edition / J. J. Gibson. Psychology Press. 2015. – 346 p.

Hyland, K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science/ K. Hyland // Journal of English for Academic Purposes. – 2010. – № 9. – P. 116–127.